

СТАТЬИ

К. В. ХВОСТОВА

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ
ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО
СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Проблемы поздневизантийского сельского поселения, структуры крестьянского хозяйства в различные периоды, особенно в поздний, от которого сохранилось относительно большее количество материалов, неоднократно ставились в литературе¹. Однако количественный анализ сведений источников, позволяющий выявить общую тенденцию взаимодействия факторов, которые определяют структуру поселения, до сих пор отсутствует. Такой анализ, являющийся в настоящее время основой первичной научной обработки данных в любой отрасли знания, к сожалению, ещё недостаточно применяется как в византиноведении, так и в средневековедении вообще. Это обстоятельство вряд ли может быть объяснено скудостью источников: по отдельным проблемам и периодам данных достаточно. Ситуация объясняется, скорее всего, приверженностью к традиционным исследовательским приемам. В то же время очевидно, что использование элементов количественного анализа позволяет ставить новые проблемы и получать новые выводы. Количественный подход детализирует исследование, дает возможность выявить роль каждой единицы наблюдений в общей системе отношений.

Обращение к количественному анализу данных практика Лавры 1321 г.², содержащего опись ряда владений монастыря в районе Фессалоник, во многом способствует уяснению структуры сельского поселения. Анализу были подвергнуты сплошные, без каких-либо лакун, данные, относящиеся к 856 крестьянским хозяйствам из 880 хозяйств, зафиксированных в описи.

Количественный анализ, который осуществляется ниже по данным, относящимся к определенным поселениям, отличается от статистического анализа, применяемого в других областях знания (социология, экономика), где он предполагает изучение некоторой относительно небольшой совокупности с тем, чтобы по ее свойствам судить о характере большей по объему совокупности, однородной с непосредственно изучаемой. Иными словами, изучается некоторая выборка, и при этом ставится цель выявить особенности так называемой генеральной совокупности, которая не подвергается непосредственному рассмотрению. Мы же вычисляли количественные характеристики для всех 856 хозяйств, составляющих для нас генеральную совокупность, а не проводили выборочного анализа: он не имел смысла, поскольку представлялась возможность провести расчеты на материале всех 856 хозяйств. Наряду с этим отдельные количественные характеристики рассчитаны для отдельных поселений — они образуют объект особой, сравнительной интерпретации. Однако возник воп-

¹ Рассматривались виды поселений, их структура, т. е. характер расположения земель, угодий, построек и т. д. См., например: *Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society in Byzantine Empire. A Social and Demographic Study. Princeton, 1977, p. 246—247.*

² *Actes de Lavra / Éd. P. Lemerle e. a. P., 1977, v. II (далее: Lavra, II), N 109.*

рос, представляющийся чрезвычайно важным с точки зрения количественного подхода к изучению средневековых социально-экономических явлений. Допустим, у нас отсутствовали бы сведения о 856 хозяйствах, а сохранились бы лишь известия о нескольких хорионах и агридиях из общего числа 19 хорионов и агридиев, которые входят в состав 856 хозяйств. Могли ли бы мы в таком случае рассматривать эти совокупности, соответствующие отдельным поселениям, как однородные и репрезентативные по отношению ко всем 856 хозяйствам? Ответ на этот вопрос позволит нам понять и другое, а именно: в какой мере данные о 856 хозяйствах однородны и репрезентативны по отношению ко всем хозяйствам данного региона, принадлежавшим прочим вотчинникам, сведения о которых частично утрачены?

Подобная проблема встает перед каждым исследователем-аграрником, работающим с источниками аналогичного порядка. Можно ли на основе сохранившихся материалов, т. е. на основе «естественно» образовавшейся выборки, судить о явлении в целом? Статистика предлагает общие правила решения проблемы: необходима проверка уцелевшего материала на репрезентативность по отношению ко всей совокупности изучаемых процессов. Историк обычно руководствуется в таких случаях интуицией. Но установление связи традиционно используемых им приемов, отражающих его собственное представление о предмете в целом, с общепринятыми в других областях знания методами — не бесполезно.

Рассмотрение данных о византийских сельских поселениях показывает, что каждое из них по-своему специфично. Подчас обнаруживается качественная неоднородность отдельных поселений относительно всей совокупности в 856 хозяйств. В чем состоит эта специфичность — с точки зрения традиционного исторического анализа и сколь значительна она — с точки зрения статистики? Стандартная статистическая оценка степени специфичности и содержит ответ на вопрос о репрезентативности «естественно» образовавшейся выборки.

Говоря о своеобразии отдельных поселений, исследователь имеет в виду прежде всего существенные социально-экономические различия, существующие в пределах некоторых групп поселений, экономическая характеристика которых в целом единообразна. Виноградники и упряжки, по данным рассматриваемой описи, составляли во всех поселениях Лавры в теме Фессалоники основной вид имущества и основной объект налогообложения. Это обстоятельство, что подробно будет показано ниже, обуславливало некоторую общую для всех 856 хозяйств тенденцию, присущую региону как единому в экономическом отношении целому. Наряду с нею проступает ряд явлений, отражающих специфичность хорионов и агридиев, их неоднородность сравнительно со всей совокупностью в 856 хозяйств. Например, в поселениях Панагия, Криа Пегадия, Пасхали отсутствовали пахотные наделы и виноградники. В Гурнаи и Сарантареа не разводили овец и коз, наличие которых типично для других поселений. Помимо этих, сугубо качественных отличий, установить которые не составляет труда уже при поверхностном, визуальном рассмотрении источника, существуют другие различия, но их определение требует количественного подхода к проблеме. Если рассмотреть поселения, чьи жители располагали одними и теми же видами имущества, например Гурнаи и Сарантареа в катепанате Каламариа, то обнаружится, что они распределялись тут поразному. Так, в Гурнаи почти 20% крестьян владели упряжкой, почти 20% — ослом и 60% крестьян вовсе не имели тяглого скота, у менее 3% крестьян имелось по одному волу. В Сарантареа один вол также принадлежал менее чем 3% земледельцев, однако около 40% крестьян владели упряжкой, 7% — ослом, а около 50% всех крестьян в этом поселении тоже лишены тяглого скота.

Подобные различия в распределении тяглого скота — основного вида имущества, определяющего уровень зажиточности и размеры налогообложения, — при количественном подходе к проблеме установления степени специфичности, или неоднородности, а равно и экономического разно-

образия поселений, заставляют признать эти поселения, близкие по характеру экономики, неоднородными, различающимися по распределению ведущего вида имущества. Более того, распределение тяглого скота в названных двух поселениях далеко не совпадает с распределением этого ведущего имущественного объекта в совокупности в 856 хозяйств. В ее ареале около 30% крестьянских хозяйств владеет упряжкой, около 20% — одним волом, 30% располагают ослом и около 20% хозяйств совсем лишены рабочего скота. Не только при визуальной, т. е. субъективной оценке, так сказать, на глаз, которая у разных исследователей может не совпадать, можно прийти к выводу о том, что два рассмотренных поселения не служат «моделью» распределения рабочего скота для всей совокупности. *Существуют стандартные статистические оценки проверки степени близости распределения, оценки, применение которых в данном случае говорит о значительных расхождениях* (в целях экономии места мы опускаем описание процедуры проверки).

Сказанное о двух поселениях, их сходстве с совокупностью в 856 хозяйств и отличии от нее, может быть отнесено и к другим поселениям (хорионам и агридиям), зафиксированным в практике. Это означает, что по ведущему виду имущества (в данном случае тяглому скоту) отдельные поселения неоднородны и, следовательно, нерепрезентативны для всей совокупности поселений региона. Очевидно далее, что 856 единиц наблюдения (крестьянских хозяйств) не являются качественно однородными по отношению ко всем хозяйствам соответствующего региона, свободным или принадлежавшим другим собственникам, сведения о которых не рассмотрены, а частично и вообще утрачены.

Таково в данном случае проявление характерного для феодализма локального разнообразия экономической жизни. В общем виде оно неоднократно отмечалось исследователями. Византийский материал позволяет рассмотреть его конкретные формы. Различия в распределении сказываются в колебаниях таких количественных характеристик, как среднеарифметический показатель размеров различных имущественных объектов и среднеквадратическое отклонение (разброс вокруг средней — см. табл. I, II). Все изложенное означает, что если бы не сохранились данные о всей совокупности хозяйств в регионе, а уцелели бы лишь сведения об отдельных поселениях, то на этих данных исследователь был бы не в состоянии сделать обоснованное заключение о распределении тяглого скота в крестьянских хозяйствах определенного вотчинника в регионе в целом.

Итак, многие данные по отдельным поселениям — нетипичны и нерепрезентативны, они отражают локальные различия. Однако было бы опрометчиво считать, что локальные материалы, отразившиеся в источниках, не являются репрезентативными при рассмотрении некоторых других существенных явлений, о чем — далее. Интересно также выявить факторы, обуславливающие различия в экономической структуре разных поселений и благоприятствовавшие возникновению, вопреки этим различиям, некоей общей тенденции.

Говоря о факторах, способствовавших появлению неоднородности, отметим следующее. В описях (практиках) отражен сложный характер землепользования. Неоднократно, в частности, упоминается о виноградниках, именуемых атели (необлагаемые) и ипотели (облагаемые). Кроме того, для сельского поселения типична чрезвычайная чересполосица. В пределах одной деревни владения крестьян, зависимых от собственника деревни, располагались чересполосно с владениями других держателей.

Какое бы поселение мы ни выбрали для сопоставления, ситуация оказывается в принципе идентичной. Сложность отношений землепользования вносит разрыв не только в традиционные общинные распорядки, но и обуславливает многие проявления разнородности: в одних деревнях преобладание таких держаний, как хорафии и виноградники, в других — наличие, а иногда преобладание владений на иных условиях (обычно аренда). Разнородность, связанная со структурой поселения, чересполосицей держаний, разными условиями держания, зависимостью от несколь-

ких собственников и т. д., как известно, вообще характерная черта землевладения в средние века.

Наряду с отмеченными проявлениями сложности и неоднородности в землепользовании неоднородным и меняющимся был сам состав крестьян. Опись фиксирует вместе с жителями деревни и крестьян, живущих в других районах, но зависимых от собственника этой деревни. Они переселились в город (например, Фессалоники) ³ или находятся (может быть, временно) в других, обычно соседних деревнях ⁴. Иногда говорится о нескольких владениях париков, пребывающих в других деревнях, сами же парики зарегистрированы как проживающие в той основной деревне, опись которой приводится в практике ⁵. Создается впечатление, что центром фискальной ответственности, основой оседлости и экономической жизни служит дом. В целом можно считать, что положение парика в позднее время отличалось значительной неопределенностью. Она также создавала благоприятные условия для возникновения неоднородности и, значит, с точки зрения исследователя, нерепрезентативности отдельных поселений в рамках вотчины, региона. По-видимому, париком считался тот, кто держал чужую землю, но, в отличие от арендаторов, был лично зависим. Некоторые парики не имеют имущества, однако уплачивают подать: они перечисляются наряду с прочими париками данной деревни.

Известно, что византийскому праву традиционно присущ принцип личного подданства, личной зависимости ⁶. Чрезвычайно своеобразное, аморфное в правовом отношении, переплетение личной и поземельной зависимости характерно для парикии. Неоднократно отмечалась противоречивость правопорядка, касающегося положения париков. С одной стороны, прикрепление к земле, требование возвращения беглых париков, с другой — неоднократные свидетельства источников о переселениях париков, правда при условии сохранения за ними тягла, это подтверждают и сведения о проскафименах. С течением времени, однако, такие переселения могли повлечь за собой неуплату податей. Переселившиеся парики превращались тогда в ксенов, неизвестных казне, элевтеров, беглых. Никто, по-видимому (в подавляющем большинстве случаев), беглых не возвращал. Их земли переходили собственнику ⁷. Говоря о противоречивости правопорядка и отдельных правовых распоряжений, следует учитывать то обстоятельство, что право в Византии было тесно связано с христианской моралью и античными правовыми представлениями, оно не обладало такой действенностью, как современное. Наряду с правопорядком всегда признавались обычай и естественный порядок вещей. В условиях Византии администрация не в состоянии была строго проводить в жизнь правовые нормы. Имелось много отступлений, которые нужно было объяснять и регламентировать. Ссылки на естественное право, отличное от *constitutio juris gentium*, содержатся и в Дигестах, и в других законодательных сборниках ⁸.

В литературе обращалось внимание на плюрализм византийского права в смысле несоответствия законодательства и юридической практики ⁹. Для позднего времени более существенным в аграрной сфере представляется возникновение отношений, вообще не укладывающихся в нормы право-

³ Lavra, II, N 109, p. 237, l. 271, 247, l. 441.

⁴ Ibid., p. 248, l. 465.

⁵ Ibid., passim.

⁶ Pieler P. *Verfassung und Rechtsgrundlagen des Byzantinischen Staates*. — *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, Bd. 34/1. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress, Akten, 1/1. Wien, 1981, S. 216.

⁷ См., например: Actes de Lavra / Ed. P. Lemerle e. a. P., 1979, v. III (далее: Lavra, III), N 167, p. 182-31.

⁸ Лунин Е. Э. *Право и суд в Византии IV—VIII вв.* Л., 1976, с. 37.

⁹ Michaelidès-Nouaros G. *Quelques remarques sur le pluralisme juridique en Byzance*. — *Byzantina*, 1977, XI.

порядка и интерпретируемых по традиции как естественный порядок¹⁰, обычай и т. д. В частности, обычаем регламентировалась паричская барщина — на этот счет имеется немало свидетельств¹¹.

Одним из ярких проявлений аморфности и неопределенности юридического и социально-экономического статуса держателей следует признать многообразие и неопределенность встречающихся в источниках обозначений зависимых крестьян. Термин «парик», являясь в целом очень употребительным, редко встречается в практике Лавры 1321 г. В других документах, содержащих сведения о зависимом от Лавры крестьянстве, также часто используются иные обозначения. Уже указывалось на обычное употребление термина *πτωχός* в практике Лавры от 1284 г.¹², где «птох» обозначает зажиточного держателя. Нередко используется расплывчатое обозначение *ἄδρωτος*. В хрисовуле Иоанна V Палеолога Лавре (1346 г.) этим термином обозначаются, по-видимому, свободные, которым разрешалось селиться на определенной территории для охраны крепости Контеа на о-ве Лемнос¹³. В практике 1355 г., относящемся к владениям Лавры на о-ве Лемнос, упоминается хозяйство вдовы апора, с которого взимается 1,5 номисмы и которому принадлежит в общей сложности свыше 60 модиев земли и 3 модия виноградника. Непонятно, была ли владелица париком или держала землю на других условиях. В хрисовуле Иоанна VII Палеолога от 1404 г. утверждаются права Лавры на деревню Дримоситу в Каламари и говорится о землях и о поселившихся там людях¹⁴. В данном случае под *ἄδρωτος* подразумеваются зависимые держатели. Указывается на освобождение их от уплаты в казну 208 номисм, причитавшихся за телос и ангарию. В том же смысле — зависимый держатель — данное обозначение употребляется в хрисовуле Иоанна VII от 1407 г.¹⁵

Очевидно, далеко не всегда, когда мы сталкиваемся в источниках с многообразным употреблением какого-либо обозначения, можно предполагать, что речь идет о термине. Подчас перед нами неофициально употребляемое выражение, которое могло использоваться в разных значениях. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, как трудно изучать средневековые статистические закономерности. Их проявления оказывались завуалированными многообразием обозначений.

Многообразно, видимо, и применение понятия «проскафимен». В нем тоже трудно усмотреть четкий «технический» термин. Анализ положения проскафименов была посвящена интересная статья В. А. Сметанина¹⁶. Справедливо констатируя многообразие использования выражения, автор как бы упускает из виду тот факт, что оно могло обозначать не один какой-либо определенный слой, отличающийся от других совокупностью стабильных черт, а, не будучи официальным термином, употреблялось до известной степени свободно, в обыденном смысле. В частности, отмеченная Сметаниным особенность в положении проскафименов, плативших денежную ренту, вряд ли была характерна для всех лиц этой категории, зафиксированных в византийских практиках. В ряде случаев проскафимены в фискальном отношении не отличались от париков. Вероятно, проскафимены — это те, кто сравнительно недавно поселились в вотчине: их положение могло быть различным, но по формам эксплуатации большая часть проскафименов не отличалась от париков¹⁷.

¹⁰ О естественном праве говорится, например (помимо многочисленных свидетельств в Юстиниановом праве), в новелле Константина VII от 947 г. (MM, III, p. 256).

¹¹ *Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für Athosklöster Iberon.* — *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.* München, 1949, N. 28, A. 457.

¹² *Хвостова К. В.* Еще раз о термине *πτωχός* в поздней Византии. — ВО. М., 1982, с. 208—216.

¹³ *Лавра*, III, N 127, p. 34.7—8; 18—19.

¹⁴ *Лавра*, III, N 155, p. 134.22.

¹⁵ *Лавра*, III, N 159, p. 148.34; 45—48.

¹⁶ *Сметанин В. А.* Проскафимены поздневизантийского времени. — ВВ, 1981, 42, с. 3—24.

¹⁷ Уже в решении Космы Магистра парики и проскафимены отождествлены. Многочисленные свидетельства на этот счет имеются и в поздних источниках. В хрисо-

В. А. Сметанин полемизирует с некоторыми исследователями, утверждавшими, что парики — основная категория крестьян — были в рассматриваемый период во многом идентичны проскафименам. Однако автор упускает из виду, что ученые, придерживавшиеся такого мнения, вовсе не считали, будто в составе зависимого крестьянства, обозначаемого иногда общим наименованием «парики», отсутствовали вообще какие бы то ни было различия, а парики составляли абсолютно монолитную группу. Различия, безусловно, существовали, монолитность слоя зависимых крестьян, часто называемых париками, как и монолитность всякого иного социального слоя в средневековый период, относительна. Тем не менее различия отступали на задний план, когда крестьяне разных категорий, подвергаясь государственной эксплуатации, приравнивались друг к другу. Даже элевтеры, которые обычно отличались от прочих крестьян, при налогообложении приравнивались к парикам¹⁸.

Роль фискальной практики в эксплуатации крестьян оценивается в литературе по-разному. На наш взгляд, позднее время отмечено значительным повышением удельного веса частнопредварительной эксплуатации, но роль налоговой эксплуатации по-прежнему велика. Именно она определяла некоторые общие для всех рассматриваемых поселений тенденции, сочетавшиеся, как уже отмечалось, с неодинаковостью многих их проявлений. В целом для экономики Лавры в районе Фессалоник характерно наличие во всех хозяйствах виноградарства. Количественный анализ содержащихся в источниках данных, а именно расчет коэффициентов парной корреляции¹⁹ на материале всей совокупности в 856 хозяйствах, рассматриваемых как единое целое, а также по данным отдельных сел, показывает, что в этой совокупности наблюдается тесная взаимосвязь между размерами земли под виноградником и числом упряжек, равно как и между размером виноградарства и налогом, между числом упряжек и налогом. Взаимосвязь этих трех факторов составляет структуру хозяйства (см. табл. III, IV).

Все остальные взаимосвязи случайны, несущественны. Неожиданным выглядит характер взаимосвязей между размерами пахотной земли и величиной налога, с одной стороны, и, с другой (это главное) — между размерами пахотной земли и числом упряжек. Только в Склохорионе (12) и Металине (17) эти связи велики, в других случаях они незначительны (ниже 0,5), а в одном поселении даже отрицательны. Пахотная земля и в тех поселениях, где она зафиксирована источником, лишь изредка составляет структурообразующий фактор.

Далее, сопоставление некоторых коэффициентов парной корреляции приводит к выводу, противоположному тому, который был сделан в ре-

---

вуле Михаила VIII Палеолога монастырю Лавры от 1259 г. держатели называются проскафименами-париками, а иногда проскафименами (Lavra, II, № 71, р. 10; 55—56; 62—64. Ср. практик 1317 г. на владения в феме Серр и Стримона, № 105, р. 172.5, где проскафимены-парики противопоставляются проскафименам-элевтерам). В практике Димитрия Апельмена Лавре, содержащем опись ее владений в районе Фессалоник, дается перечень проскафименов: их эксплуатация не отличается от обычной эксплуатации париков — они платили телос и исполняли барщину (Lavra, II, № 93, р. 120—121).

¹⁸ Хвостова К. В. Элевтеры в поздней Византии. — ВВ, 1983, 44, с. 19.

¹⁹ Коэффициенты парной корреляции показывают непосредственную взаимосвязь двух факторов без учета промежуточных воздействий. Этот показатель сам по себе ничего не говорит о причинно-следственной зависимости между рассматриваемыми факторами. Например, высокий показатель взаимосвязи между размерами земли под виноградником и числом упряжек не означает (см. ниже) причинной взаимосвязи между наличием виноградарства и наличием упряжек. Величина коэффициента корреляции говорит лишь о том, что в рассматриваемых поселениях, где имеются названные виды имущества, их совместная роль в экономике приблизительно одинакова. В то же время взаимосвязь между упряжкой и виноградником опосредована иными взаимосвязями, которые могут быть выявлены посредством применения дополнительных методов количественного анализа (коэффициент множественной корреляции и т. д.). Коэффициент парной корреляции дает, однако, количественную характеристику, которая указывает на устойчивость взаимосвязи данных факторов. Эта характеристика — показатель структурности отношений, их «пространственной» стабильности.

зультате анализа распределения размеров имущества в отдельных хозяйствах, а также в результате изучения средних и разброса вокруг средних. А именно, анализ коэффициентов парной корреляции между размерами земли под виноградником и налогом, между количеством зевгарей и налогом, а также между числом упряжек и размером земли под виноградником позволяет установить, что, за исключением трех совокупностей — № 15, 18, 19 (хорионы Лонгон, Металин, Селас) — все остальные могут рассматриваться как репрезентативные по отношению к 856 хозяйствам района — генеральной совокупности²⁰.

Итак, мы обнаруживаем интересное явление, требующее интерпретации. Отдельные поселения, характеризующиеся теми или иными особенностями распределения различных видов имущества в крестьянских хозяйствах, а также средним для хозяйства размером виноградника, зевгарей, налога и прочих видов имущества, равно как и разбросом индивидуальных значений названных факторов вокруг средней, — разнородны, специфичны, но зевгари и виноградник, эти виды имущества и налог так взаимосвязаны между собой, что образуют пространственную структуру, охватывающую почти все владения Лавры в данном районе. Чем объяснить это явление?

Государство с его фискальной политикой, несмотря на ослабление центральной власти в позднее время, продолжало быть тем фактором, который во многом обуславливал наличие единых пространственно-временных структур в области аграрных отношений. С помощью фискальной политики государство пыталось удержать разьедаемый внутренними противоречиями социальный организм. Такие попытки приводили к тому, что в реальной жизни неоднородность аграрного строя развивалась зачастую в скрытом виде. Внешнее единство форм и принципов налогообложения сочеталось со сложными и постоянно усложнявшимися порядками землепользования и социальными отношениями в деревне. Стабильность отмеченных выше корреляционных взаимосвязей, обусловленная государственной фискальной политикой, отражает некий ускользающий от внимания исследователя порядок в хаосе. Дальнейший анализ должен показать сложный характер сочетания разнообразия, неодинаковости с названной стабильной тенденцией и вместе с тем дать возможность оценить, насколько она была устойчива.

Возвращаясь к вопросу о специфичности отдельных хорионов и агридиев, остановимся прежде всего на причинах слабой корреляционной связи между размерами пахотной надельной земли и числом упряжек. Это явление объясняется, видимо, следующим образом: пахотная надельная земля в тех сравнительно немногих поселениях, где она имела, не играла определяющей роли в крестьянском хозяйстве. Кстати, практики Лавры не только содержат сведения, указывающие на тесную корреляционную связь числа упряжек и величины налога, но и позволяют выявить высокую норму обложения упряжек (в среднем 1 номисму).

Эти обстоятельства заставляют полагать, что крестьяне — владельцы упряжек имели в своем распоряжении некоторую землю, статус которой отличался от статуса держания на паричском праве. Ситуация, отраженная в документах Лавры, на наш взгляд, подтверждает характерную для поздневизантийского периода перестройку форм крестьянского землепользования, засвидетельствованную и другими источниками, в частности практиками Ивирского монастыря. Сущность перестройки состояла в том, что паричский надел, который был важным объектом обложения государственным налогом, постепенно вытеснялся в крестьянском хозяйстве другими формами землепользования, более тесно связанными с частноправовыми отношениями. В первую очередь, по-видимому, получила распро-

²⁰ Учитывая специфику настоящего издания, мы опускаем описание математической проверки. Констатируем лишь, что близость коэффициентов корреляции между названными факторами в отдельных совокупностях и в 856 хозяйствах как в единой совокупности была обоснована с помощью показателя Р. Фишера.

странение аренда. Эти формы землепользования обычно не находят полного отражения в источниках, прежде всего в практиках, поскольку последние фиксировали публичноправовые отношения²¹.

Могут быть приведены и некоторые дополнительные, косвенные свидетельства, также подтверждающие предположение о наличии у крестьян, имевших тяглый скот, но лишенных пахотного держания на паричском праве, пахотных земель, которыми они владели на каких-то иных, не всегда известных нам условиях, отличных, однако, от условий паричского держания. Так, в актах Ивирского монастыря говорится об уплате натуральной подати икомодия, взимаемой пшеницей и ячменем²². В своем подавляющем большинстве крестьяне, перечисляемые в документе (практик), не имели пахотной земли в виде своего паричского держания. Очевидно, они могли уплачивать подать пшеницей и ячменем, только если распоряжались земельными владениями иного статуса. Другими словами, крестьяне имели некоторые владения, отличные от паричских держаний, и для их обработки использовались в основном имевшиеся у них упряжки. К такому выводу пришел и один из издателей и комментатор лаврских актов — Н. Зворонос. По его мнению, во владениях Лавры доминирующую роль играла «косвенная эксплуатация»²³. При этом исследователь указывает на ряд сведений источников, относящихся не только к владениям Лавры, но и к вотчинам других монастырей, в частности о наделении монастырских крестьян земель. В источниках говорится, что земля (обычно под виноградником) «была дана» — ἐδόθη — крестьянину. Кроме того, в описях Лавры неоднократно фигурируют виноградники, которые характеризуются как *στασιὸν ἀμπέλιον*, т. е. принадлежащие к стасии²⁴.

Думается, что отмеченные формы землепользования, расширявшие возможности косвенной эксплуатации, следует интерпретировать как попытку искусственного сохранения паричского землепользования. Владельцы держателей названных видов подлежали наряду с париками налогообложению. С помощью наделения землей восстанавливались, таким образом, крестьянская стася (хозяйство), служившая основой налогообложения. Данные земли в фискальном отношении приравнивались к наследственным держаниям. Однако наряду с этим практиковалась аренда, а иногда, возможно, займка, с которых налог не взимался (или еще не взимался), но эти земли эксплуатировались путем взимания сборов частного или смешанного (частноправового и публичноправового) характера.

Условием отмеченной перестройки структуры землепользования являлось наличие упряжки в хозяйстве крестьянина. Документы Лавры содержат на этот счет определенные сведения, из которых явствует, что при налогообложении имущества зависимых от Лавры крестьян упряжке придавалось большое значение. В хрисовуле Иоанна V Палеолога от 1345 г., касающемся ряда владений в районе Фессалоники, говорится, в частности, что епарх Андрей Палеолог располагает в некоей деревне 1000 модиями и имеет парика с упряжкой²⁵. В хрисовуле Иоанна VII Палеолога от 1407 г. упоминается десятина урожая зевгариев²⁶ и дается некоторое разъяснение о характере подати. Говорится, например, о пожаловании императором нескольким афонским монастырям десятины с императорских зевгариев²⁷ в Кассандре (в определенных пропорциях). Монастыри в этот период, очевидно, испытывали большие продовольственные затруднения, их собственные хозяйства находились в запустении. Далее в до-

²¹ Хаостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980, с. 103.

²² Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . , RK. 338.

²³ Zvoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paleologues. — Actes de Lavra / Ed. A. Guillou e. a. P., 1982, v. IV, p. 168.

²⁴ Ibid., p. 168, n. 643, 644.

²⁵ Lavra, III, N 124, p. 28.4; 12—13.

²⁶ Ibid., N 159, p. 148.32—33; 46.

²⁷ Ibid., p. 147.25—33.

кументе указывается, что весь урожай и волы с их снаряжением, а также деревни, в которых на этих волах работают²⁸, после смерти императора должны перейти монастырям в тех же пропорциях. Очевидно, в центре внимания фискальной практики находились волы и упряжка, наличие которой обеспечивало урожай.

Еще в одном документе (1409 г.) делового характера, фиксирующем порядок обмена некоторых владений Лавры на другие, содержатся данные, позволяющие в какой-то степени судить о способе взимания десятины зевгарей²⁹. Н. Зворонос полагает, что десятина, уплачивавшаяся париками с зевгарей, по существу являлась податью за собственную землю, которую обрабатывали данные зевгари³⁰. Ученый не разъясняет, однако, что подразумевает он под «собственной землею». Земля на правах собственности? Или владения, которыми монастырь наделял париков и которые иногда обозначают как «данная земля» (ἐδόθη)? На этот вопрос трудно дать точный ответ. Думается, однако, что вряд ли речь может идти о собственной земле. Земля на территории, пожалованной Лавре, принадлежала ей в качестве собственности. Все фактически владельцы не обладали правом собственности, но держали землю на тех или иных условиях, часто отличных от парического держания. Их владения являлись объектом особого обложения в пользу собственника или государства. В юридическом отношении платежи имели, как уже говорилось, двойственный, аморфный характер, являя собой смешение публичноправовых и частноправовых отношений. Показательно в этом смысле, что десятина с зевгарей, переданная Иоанном VII в 1407 г. с императорских владений в Кассандре, — подать смешанного публично- и частноправового характера (№ 159).

Неопределенный юридический и фактический статус этих земель — аренды или займки (вернее, последнее) — и послужил причиной того, что эта земля не фиксируется в описях как таковая, упоминается только, с одной стороны, вместе с упряжками, а с другой — с людьми, находящимися (χολτοκόβτων) на данной земле³¹. Неопределенность, а возможно, нестабильность держания или владения, его становление из займки и обусловили превращение зевгаря-упряжки как таковой в объект обложения. Особая ценность зевгаря в хозяйствах, где отсутствует земля на парическом праве (а возможность приобретения и займки новых земельных владений зависит прежде всего от обеспеченности хозяйства упряжками), подтверждается и другими документами. В частности, в дарственной Георгия Франдзи, пожаловавшего Лавре церковь св. Антония в Авлоне наряду с движимым и недвижимым имуществом указывается зевгарь³².

Более того, зевгарь-упряжка не только является объектом платежей, в которых явно присутствовал частноправовой элемент, — зевгарь учитывался и при обложении телосом. В этом случае нормы обложения зевгарей телосом оказываются выше тех, которые были распространены в поселениях, где у париков имелась земля на парическом праве. Это означает, что при начислении телоса учитывали неявным образом те земли, которые могут быть обработаны с помощью имеющихся зевгарей. Неопределенность правового статуса этих земель приводила к тому, что общий объем держания не фиксировался, лишь в общей форме говорилось о земле, где работают волы³³. Характерно также, что в тех поселениях, в которых парики имели большие наделы, сама по себе упряжка практически не облагалась. Таково было, например, положение вещей во владениях Лавры на Лемносе — по данным практика 1284 г. Птохи (как именуется в этом практике крестьяне) владели большими наделами, и эти наделы, а также

²⁸ Ibid., p. 148.34.

²⁹ Lavra, III, N 161, p. 158.28.

³⁰ Zvoronos N. Le domaine de Lavra. . . , p. 170.

³¹ Lavra, III, N 155, p. 134.21; 26; N 161, p. 157.20—21.

³² Ibid., N 174, p. 199.7, 11.

³³ Ibid., N 159, p. 147.34; N 135, p. 174—175.49.

виноградник облагались независимо от упряжки³⁴. Так же обстояло дело в Мамицоне — владении Хиландарского монастыря³⁵, но при этом владения на паричском праве отсутствовали — явление, получающее широкое распространение в XIV в. Упряжка, как источник образования новых форм землепользования, становится самостоятельным источником обложения. Размеры взимаемой с нее подати есть косвенное свидетельство размеров земли, владение которой осуществляется на условиях, отличных от паричского держания.

Итак, стабильность и распространенность во владениях Лавры тенденции к высокому налогообложению упряжек, к тесной корреляционной взаимосвязи упряжек и налога, характерной для разных поселений и для генеральной совокупности в 856 хозяйствах, объясняется сложной перестройкой крестьянского землепользования.

О ней свидетельствуют и некоторые другие данные. Обращает на себя внимание частое упоминание в источниках ипостатиков. Значение этого термина представляется спорным. Ф. Дэльгер считал, что ипостатик — это крестьянин, проживающий в деревне, которая находится в паричской зависимости от некоего крупного собственника, но одновременно владеет свободной землей³⁶. Зворонос также полагает, что ипостатики имели собственную землю. Перечисляя имущество Лавры, он указывает, что у Лавры были также поля, которые фигурируют в описи как стаси париков, исключая тех париков, которые названы ипостатиками³⁷.

Однако остается неясным, почему ипостатик владеет обязательно собственной, свободной землей. Более убедительным выглядит мнение Г. Г. Литаврина, согласно которому ипостатик мог обозначать крестьянина (независимо от того, свободным, государственным или частным он был), владевшего лишь частью ранее единой стаси (хозяйства), а также крестьянина, который, помимо своего основного надела, владел частью земли в другой деревне (или поместье), т. е. он мог быть и свободным, имевшим участки в разных местах, и «наполовину» париком, и «дважды» париком (т. е. париком двух господ по своим держаниям)³⁸. В то же время Литаврин констатирует, что в X—XI вв. термин встречается редко. Однако к XIV в. ситуация меняется. В практиках Лавры XIV в. ипостатик употребляется очень часто. Прежде всего следует отметить, что обозначение «ипостатик» вряд ли следует рассматривать как термин. Точнее — это некоторое выражение (подобное выражениям атели и ипотели), обозначающее подвижный социальный слой. Первоначально оно, очевидно, употреблялось для обозначения держателя, владеющего частью стаси, некогда единой семейной наследственной собственности³⁹, но впоследствии его значение несколько изменилось и приобрело новые аспекты. Дело в том, что в XIV в., во всяком случае, в тех поселениях, которые зафиксированы в практиках Лавры, почти отсутствовали владельцы полной стаси. В этом смысле все были ипостатиками, но называются так только некоторые владельцы части стаси. Например, в практике 1321 г. в хорионе Селас упоминаются две вдовы двух братьев; каждая владела в местечке Диалас 4 модиями под виноградником. Ипостатиками они не названы (Lavra, III, № 109, p. 273. 907—909).

Неоднократно упоминаются держания части стаси (ипостаси): пятой, третьей, восьмой и т. д. (Lavra, II, N 109, p. 267.791—792, 798; p. 268.802, passim; p. 267, 794; p. 270, 851, passim). Однако ипостатиками владельцы части стаси (ипостаси) именуется далеко не всегда (например: *ibid.*, p. 270. 851). Обычно эти наименования не связаны тесной корреляцией.

³⁴ Lavra, II, № 73.

³⁵ Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. М., 1968, с. 201.

³⁶ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . , S. 127.

³⁷ Zvononos N. Le domaine de Lavra. . . , p. 73.

³⁸ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 86.

³⁹ Dölger F. Sechs byzantinische Praktika. . . , passim.

В практиках Ивирского монастыря также содержится множество сведений об ипостатиках — владельцах ипостаси (части стаси)⁴⁰. Однако нет никаких сведений, заставляющих предполагать наличие у этих ипостатиков держаний или собственности в других местах. В то же время в практиках Лавры имеется масса указаний на наличие у крестьян владений в других селах, и эти сведения относятся как к ипостатикам, так и другим владельцам, не именуемым ипостатиками. Наряду с этим в отношении многих ипостатиков подобные данные отсутствуют.

Очевидно, в условиях отмеченной выше пестроты отношений землепользования обозначение «ипостатик» несет иную, чем ранее, смысловую нагрузку. Для того чтобы понять смысл этого обозначения, обратимся к рассмотрению выражений «стась» и «ипостась». Византийские источники разного характера и разных периодов не проводят четкой грани между названными понятиями (например, *Lavra*, III, N 136, p. 61.27). В частности, и то и другое используется для обозначения паричского хозяйства⁴¹.

Термины «ипостась» и «стась» обозначают земли, связанные с различными типами хозяйственной деятельности: и пашню, и виноградник, находящиеся в индивидуальном владении крестьянина и обеспечивающие его податную ответственность. Подразумевается также дом и хозяйственные постройки. Именно этим последним отличается, видимо, применение терминов «стась» и «ипостась» в византийских источниках от его использования в сербских⁴².

В то же время Г. Острогорский подчеркивал, что стась — это хозяйство крестьян, лежащее вблизи деревни⁴³. Источники позднего времени, как нам представляется, подтверждают это мнение. Можно добавить еще, что стась, равно как и ипостась, — это хозяйство, составляющее основу государственного налогообложения. Наряду с этим могли быть различного рода держания, которые располагались в других деревнях и иногда подлежали обложению именно в данной деревне, а иногда не подлежали таковому; иногда налог с этих держаний частично уплачивался собственнику соответствующей деревни, а частично — собственнику владения, на котором стоял дом парика. Эти владения не являлись стасью, они по существу находились за пределами первоначальной ипотаги. В тот период ридза и ипотаги в поселениях, отличавшихся сложностью отношений землепользования, теряли свое первоначальное соответствие. Никто не отменял византийский податный устав, определяющий процедуру фискальной практики, но жизнь постоянно вносила в нее свои коррективы.

Как видно, стась и ипостась (а в позднее время владение крестьянина, как уже отмечалось, — это всегда ипостась) обозначали тот первоначальный наследственный хозяйственный комплекс, который затем обрстал новообразованием. Это те земли, которые иногда обозначают *ἐσοχώρια*, *ἐσοθύρια*, *στασιχὸν ἀμπέλιον*. Названные обозначения используются для фиксации земель, расположенных в пределах деревни. Такие земли против-

⁴⁰ *Ibid.*, RK, *passim*.

⁴¹ Соответственно ипостась обозначает часть стаси. Об этом свидетельствуют, например, Схолии Арменопула, 22-я новелла Льва VI. См.: *Constantini Armenopuli Manuale legum sive Hexabiblos* / Ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, p. 666; *Monnier H. Les nouvelles de Léon le Sage*. Bordeaux; Paris, 1923. В практике владений Лавры на острове Лемносе от 1361 г. перечисляются различные виды имущества собственника, среди которых *ἐξαλειμματικαὶ ὑποτάσεις* (*Lavra*, III, № 139, p. 78.9). Далее говорится о покинутой ипостаси Ласкаря (p. 79.89) и называется ряд покинутых ипостасей, которые вряд ли принадлежали парикам, а ниже перечисляются покинутые паричские ипостаси (p. 80.99).

⁴² По мнению Н. Кондова, в сербских и болгарских средневековых документах термин «стась», представляя собой заимствование из византийской фискальной практики, обозначал разные категории земли, связанные с различными формами экономической деятельности. См.: *Кондов Н. К. О некоторых терминах болгарских и сербских документов позднего средневековья*. — ВВ, 1979, 40, с. 22—25.

⁴³ *Ostrogorsky G. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im 10. Jahrhundert*. — *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 1927, XX, S. 42.

поставляются *ἔσοχοράφια* — вне деревни ⁴⁴. Таблицы (V, VI) показывают, что указанные обозначения тесно коррелируют с наименованием крестьян ипостатиками. Часто говорится о владениях близ дома, близ держаний родственников. Такие владельцы также именуется обычно ипостатиками ⁴⁵. Иногда же указание на место нахождения держания близ дома или недвижимости, принадлежавшей родственнику, по-видимому, освобождала апографевса от необходимости употреблять обозначение «ипостатик» — оно лишь подразумевалось ⁴⁶. Подобным образом объясняется отсутствие наименования «ипостатик» в перечне многих, кто держал хорафий, эсотирий или виноградник в стаси.

В этой связи характерно еще и следующее. Давая перечень крестьян в деревне Гомат, практик 1301 г. часто упоминает ипостатиков, а по данным практика 1321 г., в той же деревне ипостатики не значатся. Можно ли считать, что эволюция поземельных отношений привела к исчезновению этой категории? Если ипостатики — это прежде всего держатели части стаси, то такое предположение вряд ли оправданно. Вернее, перед нами просто отсутствие единообразия в обозначениях. Четкость в них вообще не свойственна практикам. Если говорится что держатель имеет части стаси (ипостаси), но ипостатиком не назван (Lavra, II, N 109, p. 267.794), то это наименование или подразумевается, когда речь идет об ипостаси, или владение ипостасью в данном случае в силу своей незначительности не определяло характер землевладельческих прав держателя и его фискальные обязанности.

Все сказанное означает, что слово «ипостатик» используется для обозначения некоторых владельцев части стаси, а именно тех, у кого это держание являлось определяющим в системе их землепользования. С точки зрения налогообложения оно было фактором весьма существенным. Сведения о том, что ипостатик, кроме указанного в практике владения, располагал какой-либо иной недвижимостью на тех или иных условиях, отсутствуют.

Итак, сравнительно частое упоминание об ипостатиках в практиках Лавры, по-видимому, свидетельствует о сложности состава крестьянской недвижимости, подлежащей обложению в том поселении, где находилась основа крестьянского тягла и основа прикрепления крестьянина к нему — дом. Это означает, что все земли, перечисленные в описи, подлежали обложению поземельной податью, составлявшей часть телоса. Базой этого податного единства являлись эсотирии, эсохорафии и виноградники, называемые стасиконом. Это были владения, непосредственно примыкавшие к дому — центру оседлости и налогообложения. Что же касается остальных владений, особенно тех, которые располагались за системой полей данной деревни или в других деревнях, то таковые только иногда включались в податной стих. В этом случае они иногда назывались атели ⁴⁷. Это выражение наглядно свидетельствует об употреблении в описях обычных выражений вместо специфичных, имеющих твердое значение фискальных терминов, таких, как телос, парик, стих, стась и т. д. Иногда эти держания, как уже говорилось, облагались в той деревне, где они находились, и тогда (но, по-видимому, далеко не всегда) податные чиновники называли их ипотелями. Используется опять же не четкий, утвердившийся во времени фискальный термин, а всего лишь обыденное выражение. Говорится, что владение уже подлежит обложению, т. е. подать взимается с него в другом месте, но не в той деревне, опись которой составляет и где крестьянин проживает.

⁴⁴ Lavra, II, N 73.

⁴⁵ Ibid., N 109, p. 268.807—808.

⁴⁶ Ibid., 268. 810.

⁴⁷ Т. е. не подлежащие обложению в тех деревнях, где они расположены. См.: *Leffort J. Fiscalité médiévale et informatique: Recherches sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins du XIVe siècle.* — *Revue historique*, 1974, N 512, p. 340.

Чиновникам, таким образом, постоянно приходилось прибегать к новым выражениям, необходимым для фиксации сложных форм землепользования, с которыми они сталкивались. Далекое не все эти выражения приобретали характер четких фискальных терминов: многие, подобно «атели» и «ипотели», так и остаются лишь выражениями. Если земли, именуемые ипотелями, подлежали обложению в тех поселениях, где они находились, то владельцы этих земель, жившие в другом поселении, где они уплачивали основную подать, либо, как полагает Ж. Лефор, освобождались от уплаты взноса за держания, именовавшиеся ипотелями, либо платили за них вторично, но со скидкой. Об этом свидетельствуют нормы обложения таких земель: иногда они равнялись всего $\frac{1}{8}$ обычной нормы обложения виноградника ⁴⁸.

Высокий коэффициент корреляции между размерами земли под виноградником и числом упряжек вызывает ряд вопросов. Чтобы ответить на них, необходимо рассмотреть проблему на теоретическом уровне, а именно попытаться выяснить: о чем свидетельствует названная взаимосвязь? Тут возможны два решения. Первое состоит в том, что в условиях Византии наличие упряжки в данной общине могло находиться в причинной зависимости от наличия виноградника: упряжка, которая в поздний период представляла, безусловно, основную ценность, могла обуславливать наличие возделываемого виноградника. Это и понятно. Ведь в Византии со времен античности применялся легкий плуг без колес и отвалов ⁴⁹. Так же обстояло дело в Южной Франции и в других средиземноморских районах. В Южной Франции виноградные лозы, равно как и плодовые деревья, сажались в хлебное поле ⁵⁰. В Византии плодовые деревья иногда тоже высаживались на хорафии, засеянные зерном. Что касается виноградника, то еще Ф. Дэльгер предполагал, что земли, именуемые в описях *αμπέλιον*, — это не обязательно участки, отведенные исключительно под виноградник: имелось в виду прежде всего качество земли ⁵¹. Возможно, что и на этих землях иногда сеяли зерновые. Теоретически поэтому не исключается возможность причинной взаимосвязи между наличием в хозяйстве плугов и размерами земли под виноградником.

Не исключается, однако, и другое предположение, в соответствии с которым прямая взаимосвязь между этими двумя видами имущества отсутствовала. Она была опосредована тем, что оба вида имущества, играя решающую роль в хозяйстве, влияли на величину налоговой ставки. Проверить предположения можно следующим образом: в случае верности второго частный коэффициент корреляции между размерами земли под виноградником и числом упряжек, т. е. коэффициент, при котором нивелируется воздействие связи налога с каждым из названных имущественных объектов на связь самих этих объектов, близок к нулю. Близость к нулю частного коэффициента корреляции, вычисляемого по формуле

$$r_{xy(z)} = \frac{r_{xy} - r_{zy}r_{zx}}{\sqrt{(1 - r_{zy}^2)(1 - r_{zx}^2)}},$$

предполагает равенство нулю выражения $r_{xy} - r_{zy}r_{zx}$, где x — размеры виноградника; y — число упряжек; z — величина налога; $r_{xy(z)}$, r_{xy} , r_{zx} — частный и парные коэффициенты корреляции для соответствующих признаков.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Литературу вопроса см.: *Maksimović L.* Charakter der sozial-wirtschaftlichen Struktur der spätbyzantinischen Stadt (13—15. Jh.). — *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, Bd. 31/1. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress, Akten, 1/1, S. 154.

⁵⁰ *Люблинская А. Д.* Французские крестьяне XVI—XVIII вв. Л., 1978, с. 60.

⁵¹ *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika. . . , S. 22.

Таблица I*

Среднеарифметические характеристики и среднеквадратические отклонения размеров земли под виноградником, числа зевгарей и размеров телоса для 856 хозяйств

Среднеарифметические характеристики			Среднеквадратические отклонения		
виноградник	зевгари	налог	виноградник	зевгари	налог
1,667	0,309	1,184	2,128	0,516	1,002

* Количественные характеристики, помещенные в табл. I—IV, рассчитаны по программе KOREL1 пакета прикладных программ ДОС АСВТ (Пакеты прикладных программ ДОС АСВТ. Т. IV. Математическая статистика. М.: ИНЭУМ, 1975).

Таблица II

Среднеарифметические характеристики и среднеквадратические отклонения размеров земли под виноградником, числа зевгарей и размеров телоса в хозяйствах по 19 совокупностям

Совокупность		Название поселения	Среднеарифметические характеристики			Среднеквадратические отклонения		
№	размер		виноградник	зевгари	налог	виноградник	зевгари	налог
1	29	Гурнаи	1,036	0,138	0,579	1,353	0,351	0,51
2	41	Сарангареа	2,968	0,45	1,166	3,916	0,568	1,245
3	43	Пинссон	2,037	0,395	1,177	1,877	0,53	0,727
4	68	Агия Еуфимиа	3,504	0,5	1,665	2,778	0,56	1,187
5	61	Лоротон	0,958	0,746	1,972	2,6	0,745	1,3
6	28	Неохорион	3,029	0,607	1,512	2,131	0,567	0,776
7	26	Каррайон	1,488	0,385	0,925	1,244	0,553	0,871
8	21	Генна	1,413	0,452	1,271	1,605	0,631	1,042
9	56	Дримосита	1,196	0,286	1,054	1,185	0,512	0,848
10	39	Пасхали и Панагиа	0,975	0,359	1,08	1,358	0,525	1,018
11	35	Криа и Пегадиа	1,638	0,586	1,696	1,373	0,67	1,292
12	17	Скелохорион	1,205	0,235	1,03	1,26	0,437	0,852
13	18	Птелиа	0,954	0,111	0,741	1,146	0,323	0,473
14	13	Кострон	0,231	0,077	0,425	0,599	0,277	0,639
15	38	Лонгон	0,342	0,00	0,823	0,656	0,00	0,765
16	97	Гомат	0,216	0,129	0,989	1,253	0,333	0,779
17	26	Металин	1,925	0,115	1,366	2,194	0,323	0,75
18	31	Градишта	1,169	0,129	0,961	1,523	0,341	0,684
19	167	Селас	0,796	0,144	1,067	1,387	0,352	0,924

Таблица III

Коэффициенты парной корреляции между размерами земли под виноградником и налогом, числом зевгарей и налогом и между размерами земли под виноградником и числом зевгарей в 19 совокупностях

Совокупность		Коэффициенты парной корреляции между			Совокупность		Коэффициенты парной корреляции между		
№	размер (число хозяйств)	размерами земли под виноградником и налогом R. в. н.	числом зевгарей и налогом R. з. н.	размерами земли под виноградником и числом зевгарей R. в. з.	№	размер (число хозяйств)	размерами земли под виноградником и налогом R. в. н.	числом зевгарей и налогом R. з. н.	размерами земли под виноградником и числом зевгарей R. в. з.
2	41	0,94	0,86	0,7	12	17	0,55	0,76	0,28
3	43	0,75	0,66	0,17	13	18	0,61	0,71	0,17
4	68	0,8	0,65	0,47	14	13	0,88	0,97	0,88
5	61	0,88	0,88	0,65	15	38	0,34	0	0
6	28	0,69	0,85	0,55	16	97	0,76	0,65	0,31
7	26	0,84	0,87	0,79	17	26	0,6	0,59	0,44
8	21	0,79	0,88	0,61	18	31	0,27	0,57	-0,21
9	56	0,69	0,75	0,52	19	167	0,42	0,59	0,19
10	39	0,79	0,71	0,44					

Т а б л и ц а IV

Коэффициенты парной корреляции между различными видами имущества, числом членов семьи и величиной налога по данным о 856 хозяйствах *

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	0,295	0,274	0,251	0,098	0,216	0,076	0,083	0,078	0,184	0,035	0,122	0,060	0,073	0,119	0,446	1
	1	0,091	0,524	0,09	0,227	-0,212	-0,034	-0,045	0,072	0,132	0,013	0,042	0,017	0,004	0,744	2
		1	0,155	0,066	0,213	0,124	0,115	0,071	0,167	-0,036	0,223	0,130	0,139	0,084	0,346	3
			1	0,176	0,106	-0,01	-0,019	-0,046	0,017	0,038	0,042	0,048	-0,014	-0,015	0,708	4
				1	0,032	0,006	0,008	0,016	0,081	0,009	0,013	0,057	0,037	0,003	0,29	5
					1	0,115	0,040	0,010	0,159	0,033	0,177	0,009	0,165	0,048	0,408	6
						1	0,034	0,008	0,091	0,046	0,108	0,062	0,05	0,038	0,098	7
							1	-0,008	0,164	-0,030	0,020	0,035	0,068	0,105	0,071	8
								1	0,011	0,021	0,008	0,018	-0,033	0,134	0,007	9
									1	-0,034	0,104	0,161	0,044	0,003	0,345	10
										1	-0,009	-0,018	0,012	-0,023	0,138	11
											1	0,050	0,157	0,105	0,14	12
												1	0,061	0,023	0,183	13
													1	0,043	0,119	14
														1	0,072	15
															1	16

* В таблице учтены следующие хозяйственные факторы: 1) количество членов семьи, 2) число ослон, 3) число зевагарей, 4) размеры виноградника, 5) мельницы, 6) коровы, 7) волю, 8) сад, 9) сад с плодовыми деревьями, 10) козы, 11) овцы, 12) свиньи, 13) пахотная земля, 14) пчелы, 15) плодовые деревья, 16) лодки.

Таблица V
Ипостатики

Поселение	Год, название источника	Всего хозяйств	Имеющих			Число хозяйств с телесом в 1 номисму и выше
			стасикон, виноградник	эсотирий, эсокопий	хорафий	
Селас	1300 г., Лавра, II, № 91	29	22		7	29
Металин	То же	12	11	1		12
Градишта	» »	8	7	1		7
Гомат	» »	42	35	2		23
Селас	1321 г., Лавра, II, № 109	23		8		17
Металин	То же	21	7		20	19
Градишта	» »	17	1	2		7

Таблица VI
Остальные крестьяне

Поселение	Год, название источника	Всего хозяйств	Имеющих			Число хозяйств с телесом в 1 номисму и выше
			стасикон, виноградник	эсотирий, эсокопий	хорафий	
Селас	1300 г., Лавра, II, № 91	63	19	1		8
Металин	То же	20	6	1		6
Градишта	» »	12	9	2		8
Гомат	» »	15	7			1
Селас	1321 г., Лавра, II, № 109	139		7		44
Металин	То же	6				1
Градишта	» »	14			4	4

Проверим эту гипотезу. Расчеты показывают, что частный коэффициент корреляции между названными видами имущества оказывается близким к нулю при вычислении его на материале всей совокупности в 856 единиц наблюдения, а также при вычислении на материале десяти из девятнадцати совокупностей. Действительно, обозначив x — размеры земли под виноградником, y — число упряжек, z — величину налога, для совокупности в 856 хозяйств в соответствии с табл. IV имеем: $r_{xy}=0,524$, $r_{zy}=-0,744$, $r_{zx}=0,708$; $0,524 \times 0,744 \times 0,708=0,003$, т. е. разность близка к нулю.

Не приводя дальнейших расчетов, отметим, что в десяти совокупностях, соответствующих отдельным поселениям, а именно в тех, где парный коэффициент корреляции между числом упряжек и размерами виноградника равен или превосходит 0,47, разность между указанными коэффициентами также близка к нулю. Речь идет о совокупностях, имеющих следующие порядковые номера: 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 14, 15. Их соответствие определенным поселениям устанавливается по таблице II.

Таким образом, можно считать, что в совокупности в 856 хозяйств в целом, равно как и в ряде поселений, связь земли под виноградником и упряжек была опосредована налогообложением.

Характерна слабая взаимосвязь между числом волов, не составляющих упряжку, и величиной налогов, равно как числом ослов и размером налога. По-видимому, единичные ослы и волы использовались для перевозки

грузов и соответственно не принадлежали к тем ведущим видам имущества, которые определяли структуру хозяйства.

Отмеченная сложность и нестабильность структуры землепользования сельского поселения не может рассматриваться как исключительно византийская характерная черта. Аналогичные процессы происходили и на феодальном Западе. Специалисты, например, отмечают, что в Англии в XIV в. наметились черты, позволяющие говорить о начале процесса исчезновения вилланства, о зарождении новых форм землепользования, предвосхищавших позднейшее держание по копии⁵². Причины подобных явлений, во всяком случае применительно к Византии, состоят в самом характере аграрного развития, в разделе крестьянской семьи, купле и продаже имущества, завещаниях, передаче в приданое, а также в истощении почвы. Все эти факторы приводили к необходимости перемены местожительства, освоению нови, займке пустошей и т. д. Особенность Византии — в том, что все эти факторы действовали в условиях, когда государство, государственная налоговая политика играли преобладающую роль. Указанные факторы придавали своеобразие описанным явлениям.

---

⁵² *Барг М. А.* XIV век в истории манора ИСЛИП (Оксфордшир). Эволюция поземельных и рентных отношений с 1279 по 1391 г. — *Средние века*, 1976, 40, с. 101—103.